коллекция
истори
КАЛЕЙДОСКОП

ПОДАРКИ!
Подробности на стр. 11, 21

Вдова Владислава Стржельчика об актере Дмитрии Исаеве
«Владик упорно отрицал свое отцовство»

Крис Кельми
«Женщины как слоны: ничего не забывают. Память моей супруги накопила столько всего...»

Анастасия Меськова
«Большой театр преследуют трагедии. С главной сценой что-то не так...»

Личный фотограф Брежнева
«Леонид Ильич не скрывал от жены чувств к фронтовой подруге»

Елена Проклова: «Я подала на развод»

ISSN 1818-4383
07
9 771818 438774

коллекция историй
КАРАВАН

стр. 36

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА ЗВЕЗД

6

Елена Проклова
Когда уходит любовь

36

Анастасия Меськова
Балерина

74

Крис Кельми
Полеты во сне и наяву

170

Людмила Шувалова
Женское счастье

стр. 74

стр. 170

стр. 100

стр. 114

ИМЕНА

134

Владимир Мусаэльян
Брежнев, которого не знали

АСТРОЛОГИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

114

Павел Глоба
Храни меня, мой талисман

ФАНТАЗИИ

Проекты Екатерины Рождественской

100

Кинодивы

164

Частная коллекция

стр. 134

Фото: Геворг Маркосян
Стиль: Светлана Румянцева
Визаж: Оксана Тасуева
Продюсер: Екатерина Шутылева

ЕЛЕНА ПРОКЛОВА

КОГДА УХОДИТ ЛЮБОВЬ

Любовь — это когда другому человеку нужно, чтобы ты ему отдавал себя. Когда же начинаешь понимать, что не приносишь радости, раздражаешь, зачем жить вместе?

НА ЕЛЕНЕ: КОМБИНЕЗОН ESCADA

Я благодарна за все, что со мной происходит и происходило. За все! Особенно за испытания, которых в моей судьбе случалось немало. Со стороны может показаться, что я иду по жизни легко, ни о чем особо не задумываясь. Вот взяла и на несколько лет забросила любимую профессию, посвятив себя дому, семье, хотя актеры больше всего на свете боятся выпасть из обоймы. Да, аргументы разума стоят у меня не на первом месте, привыкла больше доверять внутреннему голосу, следовать за ним. Но по большому счету не было случая, чтобы я обманулась.

Мне исполнилось пятнадцать, когда мой крестный отец в кино, режиссер Саша Митта пригласил сниматься в фильме «Гори, гори, моя звезда». Оба Олега — Табаков и Ефремов — сразу приняли меня в свою компанию, везде таскали с собой: то на футбольные матчи, то на ночные репетиции в «Современник». Я присутствовала при бесконечных спорах о новом театре, спектаклях, впитывала каждое слово, нырнула в их мир с головой. Его населяли сплошь талантливые, увлеченные, в чем-то даже сумасшедшие люди. И мне захотелось стать частью этого космоса.

Как рассказывал сам Митта, однажды ночью его осенило: «Зачем я кого-то ищу? У меня же есть Лена, она все может! Понимает меня с полуслова»

Работалось легко, на съемочной площадке все были равны — все делали общее дело. Такую атмосферу создал Саша Митта, огромное ему спасибо. Снимаясь у него, я не сидела тихо, не всегда соглашалась делать то, что скажут, мне было позволено высказывать свое мнение. И ко мне прислушивались. Однажды Ефремов сказал: «Ленка, да кончай ты скорее свою школу, зачем она тебе нужна? Иди к нам в «Современник». Табаков услышал и вмешался: «Не-не, что значит «иди», кто она такая? Хватит с нас журналистки Ии Саввиной. Лене на-

Роль в фильме «Звонят, откройте дверь» принесла мне звание лучшей актрисы года

Мой крестный отец в кино — режиссер Александр Митта

до получить хорошее театральное образование. В школе своей ты все равно толком не учишься, зачем терять время? Сдавай экзамены экстерном и поступай в Школу-студию МХАТ — мой добрый друг, замечательный педагог Василий Петрович Марков набирает в этом году курс».

Именно Табаков виновник того, что я стала артисткой. Он многому меня научил во время работы над фильмом, многое дал. Он и сегодня несет за меня ответственность. Я так считаю.

— Мир кино тесен, слышала, что между вами во время съемок случился роман и ваши родители были в ужасе. Это правда?

— Я влюбилась в Олега невероятно, он надолго стал моим кумиром. Но вокруг наших отношений много лет разливали такую грязь! Это тоже мешало им превратиться во что-то серьезное. К тому же я воспитывалась в семье, где нравственность ценилась превыше всего, где мне объяснили, чего точно делать нельзя. Позже, конечно, я позволяла себе романы с женатыми мужчинами, но в юности — нет! Табаков был женатым человеком, отношения между нами были сложными. Хотя видела: он не оставался равнодушным к моим чувствам и тоже был в меня влюблен. Я бы сравнила то, что между нами происходило, с отношениями Лолиты и Гумберта Гумберта, когда в молодой девушке рождается чувство, а взрослого мужчину оно подогревает изнутри.

— И никогда не пожалели о том, что ваша история так и осталась незавершенной?

— Нет. Невероятное счастье влюбиться в первый раз в жизни в талантливого человека. Между нами все было честно, поэтому сегодня, когда бы я ни обратилась к нему за помощью, думаю, он не сможет мне отказать. Спустя много лет, когда стала постарше, мы как-то увиделись с Табаковым, посидели, поговорили, и я поняла: детское увлечение и серьезные отношения между мужчиной и женщиной — разные вещи. По большому счету Олег стал моим учителем жизни, а я — его ученицей. А то, что к этому примешивалась влюбленность, только украшало наши отношения, делало их более глубокими.

— Родителей радовало ваше увлечение актерской профессией?

— Поначалу не слишком, они беспокоились, что заброшу учебу. В Москве папа преподавал информатику в Военно-политической академии имени Ленина. Его изобретения в области кибернетики демонстрировались в павильоне на ВДНХ, это было очень почетно. Одну комнату нашей квартиры занимала аппаратура, во всю стену был растянут экран, стоял проектор. Все это шумело, грохотало, у нас вечно гас свет: перегорали пробки. Папа тогда уже занимался компьютерами.

ФОТО: РИА НОВОСТИ; А. КОВТУН/ТАСС

Я любовалась родителями, гордилась. Их окружало множество друзей, дом был открытым, у нас дневали и ночевали сокурсники моего старшего брата Виктора, соседи. Помню, родители ехали в машине, а на обочине голосовала пара, у которой автомобиль сломался. Они их подвезли и потом дружили всю жизнь.

Папе под девяносто, он старенький, но друзья о нем не забывают, приезжают навестить. Мамы уже, к сожалению, нет. Похоронила ее на кладбище у деревни Жостово, где я много лет живу. Очень по ней скучаю...

— Как сложилась судьба вашего брата?

— Мне кажется, ему можно позавидовать! Окончил архитектурный институт, стал художником, интересным ювелиром. В противовес мне брат — безалаберный человек. Но можно так считать, а можно иначе. Помните фразу: «Ах, увы, увы, увы, я утратил вкус халвы»? Вот он вкус халвы не утратил. Виктор умеет получать удовольствие от всего — никогда ничего не планирует, ходит в одних штанах, и его это устраивает. При этом брата окружает масса друзей, его все обожают. Он добрейший, умнейший, ласковый пофигист. Богема, одним словом. Я его очень люблю.

— Правда, что вы могли сделать не актерскую, а спортивную карьеру?

— Дедушка Александр Францевич Авденис, отец моей мамы, сам всю жизнь мечтал заниматься спортом, но судьба распорядилась иначе. Поэтому когда родилась я, дед старался воплотить во мне свои мечты. По природе я оказалась гибкой и подвижной, и в три года он отвел меня в «Крылья Советов», а ближе к четырем я уже легко покорила и брусья, и бревно, одолела упражнения с лентой. В пять лет выступала во Дворце съездов. У меня до сих пор хранится пропуск. Номер назывался «Девочка на шаре»: взрослый атлет, чемпион мира, выносил меня на сцену на шаре в виде глобуса, а я крутила сальто назад. И сейчас как вспомню, в ушах звучат бурные аплодисменты. Может, с тех пор и живу с ощу-

Табаков был женатым человеком, отношения между нами были сложными. Хотя видела: он не оставался равнодушным к моим чувствам

С Олегом Табаковым в фильме «Гори, гори, моя звезда»

ФОТО: РИА НОВОСТИ

щением, что во всем должна стать первой. И это не гордыня, а мое естественное состояние. По крайней мере я так себя ощущала долгие годы.

— А другой дедушка Виктор Тимофеевич Проклов привел вас в кино...

— Дед — артист с не слишком удачной судьбой, хотя окончил институт кинематографии, в юности даже снимался. Был такой фильм «Боксеры», он играл одну из главных ролей — боксера Муху. Есть такие артисты — до мозга костей готовые на все ради профессии, это про деда. Когда закрыли Театр группы советских войск в Германии, в труппе которого он прослужил комиком восемь лет (бабушка работала там же администратором), для него это стало трагедией. Вернувшись в Москву, дед жил с постоянной болью, был уверен, что судьба обошлась с ним несправедливо. Пошел во вторые режиссеры. Работал с Сашей Миттой.

Саша очень скрупулезно искал девочку на главную роль в картину «Звонят, откройте дверь», просматривал тысячи претенденток в поисках эдакой Татьяны Лариной с длинной косой и темными очами. Я — шпингалет с двумя русыми крысиными хвостиками — ему совсем не подходила. Претенденткам на роль надо было подыгрывать, дед попросил: «Давай сделаем так: ты после школы пойдешь со мной на «Мосфильм», будешь там делать уроки, а когда придет очередная девочка, подыграешь ей». Я, конечно, согласилась, подыгрывала, выучила роль.

Как рассказывал сам Митта, однажды ночью его осенило: «Зачем я кого-то ищу? У меня же есть Лена, она все может! Понимает меня с полуслова, все знает!» Но в день, на который были назначены пробы, я проснулась со свинкой — щеку нереально раздуло. Пробы отложили. Только сдулась одна сторона, пробы назначили по новой. У меня другая щека раздулась. Долго ждать Митта не мог, сроки поджимали, утвердил какую-то девочку. Саша проработал с ней месяц и снял с роли, сказав: «Я с этой кино делать не буду! Хочу Лену!»

Сниматься мне понравилось. Единственное, что пере-

Олег Ефремов взял меня во МХАТ

носила тяжело, это холод. У меня перед ним остался ужас на всю жизнь. В договоре было обозначено: ребенок не может работать больше четырех часов в день, но второй режиссер, который должен за этим следить, свой человек — мой родной дед! Уговаривал: «Ну, еще полчасика, еще часик!» В итоге смена на морозе затягивалась на десять часов.

Мама вспоминала, как ей звонили: «Мы везем Лену». Она выходила на лестничную площадку, шофер доносил меня до четвертого этажа и сгружал ей на руки, мама наливала горячую ванну, укладывала в нее. Она рассказывала: «Ты минут сорок отмокала, глаза начинали что-то различать, я тебя кормила, растирала, собирала, одевала, и ты шла на вечерние занятия к учителям». Они жили за три квартала от нас.

После того как фильм вышел в прокат, на меня в полном смысле слова обрушилась слава, на улице узнавал каждый встречный. А еще я в одиннадцать лет стала лучшей актрисой 1965 года по мнению Союза кинематографистов СССР. Куда бы потом ни приезжала с фильмом, в какой бы гостинице ни останавливалась, везде была обласкана: «Ленусечка, мы тебе тут кашку сварили». У меня появилось ощущение, что весь мир — мой дом. Оно осталось и по сей день.

Мои успехи не радовали лишь одноклассниц. Девочки всегда объединялись против меня в коалицию, не разговаривали. А все мальчишки были поголовно влюблены. Но мне-то это было не интересно, хотелось поиграть в классики, в казаков-разбойников. А вместо этого — одинокое детство без друзей. Зато я стала частью артистического клана.

Когда работа над фильмом закончилась, меня буквально завалили сценариями. Но было не до кино — я занималась гимнастикой по шесть часов в день, наверстывала школьную программу. Однажды вернулась домой поздно вечером после тренировки, а мама встречает радостно:

— Не представляешь, куда тебя приглашают! Мы с папой разрешаем!

Я спрашиваю:

— Куда?

— Играть Герду в «Снежной королеве»!

И такая она была счастливая!

— А там зимние съемки будут? — поинтересовалась я.

— Нет, — уверенно отвечает мама.

В итоге я работала зимой на Финском заливе, где температура опускалась до минус сорока градусов. А на мне коротенькое платьице и бархатная накидка. Помню, после каждого дубля растирали спиртом, чтобы не окоченела. Но я все-таки заболела, правда, съемки не остановились.

Родители, посмотрев «Снежную королеву», были настолько впечатлены, что заявили: «Хочешь еще играть в кино, пожалуйста, мы возражать не будем».

«Я с актрисой, про которую ты говоришь, сплю, обязан дать ей роль. А ты мне кто? И зачем их столько развел, теперь ролями обеспечивать!»

Бабушка отвела меня в школу рабочей молодежи. А там обрадовались: «Ну и ничего, что середина учебного года, приходите! Мы все для Лены сделаем». На выпускных экзаменах я больше рассказывала о коллегах: кто с кем разошелся, кто где снимается, кто как выглядит. Единственным источником информации об артистах был «Советский экран», а о личной жизни звезд в нем не писали. Мои рассказы имели успех: «Леночка, иди, четыре!» Так я окончила школу. И сразу же сдала экзамены в Школу-студию МХАТ, мне тогда еще не исполнилось шестнадцати. Когда в приемной комиссии попросили предъявить паспорт, выяснилось, что его у меня нет.

— Как нет?!

— Мне только второго сентября будет шестнадцать лет.

— А школу ты окончила?

— Да!

ФОТО: В. ПЛОТНИКОВ/РИА НОВОСТИ

С первым мужем Виталием Мелик-Карамовым

на кино было сродни рекламе, а до недавнего времени считалось, что хороший артист в рекламе участвовать не должен. Это что, была зависть с их стороны? Но чему было им завидовать? Есть такой феномен: когда артист угасает и уходит из профессии, он начинает исподволь злиться на молодых, у которых все впереди. Грустно. Я этого очень страшусь. Если сегодня коллега помоложе начинает вызывать раздражение, сразу одер-

«Или я, или спектакль!» — поставил ультиматум муж. «Спектакль!» Вечером выложила на стол перед ним паспорт со штампом о разводе

— Ничего не понимаем, пусть ректор разбирается.

Вениамин Захарович Радомысленский вынес вердикт: «Ладно, пойдем на уступки, раз к нам поступил такой талантище!» В сентябре я получила паспорт, а в девятнадцать уже окончила институт. С восемнадцати лет работала во МХАТе, но там меня долго не принимали в труппу, лет пять держали на договоре. Да и учеба шла не гладко. К примеру, готовим этюды к экзаменам на первом курсе. Мне дают задание сыграть юродивую, которая просит милостыню. Я сразу падаю, начинаю биться головой об пол. Но мой энтузиазм пресекается на корню: «Иди работай! Киношница! Готова, видите ли, она!» У меня тормозов нет — дали задание, хочется сразу его выполнить. А оказывается, нельзя высовываться из общего ряда.

Так меня и звали в институте «киношницей» и постоянно хотели выгнать. Слишком, мол, быстро она готовит задания, поверхностно, не проникает глубоко в суть образа. Кто составил обо мне такое мнение? Столпы театра, на которых держался МХАТ, большие актеры, известные. Не хочется плохо вспоминать покойных, но они ошибались, когда считали: раз Проклову снимают в кино, значит, она плохая артистка. Для Яншина, Тарасовой, Грибова, Станицы-гиваю себя: «Лена, стоп! Не иди по этой дороге, правда за ними, за их взглядами».

Друзей среди однокурсников я не завела. В Школе-студии у меня была лишь одна подружка — Света Крючкова. Она — самая старшая на курсе, я — самая младшая, Светка не давала меня в обиду. Кстати, только у нас и сложилась актерская судьба, может, еще у Александра Мартынова, который служил в Театре Маяковского. Остальные достаточно бесславно и бесшумно ушли из профессии. По крайней мере я о них ничего не слышу. Может, эти люди продолжают работать в театре и даже довольны жизнью, но мне об этом неизвестно.

Жаль, среди них были талантливые.

— Как к вам относился Ефремов?

— Олег Николаевич тут же пригласил в театр и давал главные роли. Его заботила моя карьера — он не очень любил, когда у актеров имелась личная жизнь, а я рано вышла замуж и родила ребенка. Артистки не должны влюбляться, рожать детей, замуж выходить, они должны принадлежать сцене! Хотя сам-то не раз женился на коллегах и заводил романы. Они же рядом, зачем куда-то далеко бегать? Но если у меня случались личные несчастья, Ефремов первый, кто поддерживал и помогал. В сложные периоды загружал работой, вел задушевные беседы: «Ленка, думаешь, мне легко?» Делал так, чтобы я пожалела его, а не себя.

Он был очень трогательным человеком. Бывало, я говорила:

— Олег Николаевич, вы дали мне главную роль во втором составе, ну не надо мне этого! Дайте другую, пусть второстепенную! Хочу делать ее сама! Если режиссер создает спектакль на конкретную актрису, чтобы не подвести всех остальных, я обязана идти по ее рисунку. Иначе это будет смотреться непрофессионально или актерам придется отдельно репетировать со мной. На сцене получится раскардаш: я про свое играю, они про свое. Это же плохо!

— Знаешь что, моя дорогая! Я с актрисой, про которую ты говоришь, сплю, я обязан дать ей роль! А ты мне кто?

— Ну, спать я с вами все равно не буду!

— А я и не хочу!

— А чего тогда тему завели?

— И зачем я их столько развел, всех надо теперь ролями обеспечивать!

— А с Табаковым вы пересекались?

— Нет, с ним наше общение тогда прервалось. Я пошла во МХАТ, он остался в «Современнике». Их отношения с Олегом Николаевичем всегда были очень соревновательными, что свойственно талантливым людям. А ведь на съемках «Гори, гори, моя звезда» все было иначе. Помню, Табаков прилетает, рыдает в голос. Схватил Ефремова, Митту, меня обнял: «Где я был, что я слышал! Был у Окуджавы, знаете, какую песню он сочинил?! Это же про нас». Слезы у всех катились градом, когда Олег пел:

Господи, мой Боже,
Зеленоглазый мой!
Пока Земля еще вертится
И это ей странно самой,
Пока ей еще хватает
Времени и огня,
Дай же ты всем понемногу…
И не забудь про меня.

Сильнейшая эмоция, одна на всех, больше в моей жизни такого не повторялось.

— Вы прослужили во МХАТе двадцать лет. Недавно на страницах нашего журнала Всеволод Шиловский высказал множество претензий в адрес Ефремова. Согласитесь с ним? Были обиды?

— А я человек необидчивый. И вообще — обидой мы обычно называем свое неумение управлять ситуацией.

Наша дочь Арина, 1978 год

ФОТО: ИЗ АРХИВА Е. ПРОКЛОВОЙ

Я же привыкла ситуацию, если она не нравится, исправлять. Театр для меня как семья, где мы не только любим, но и многое друг другу прощаем, на чем-то настаиваем, чего-то добиваемся, требуем. А для кого-то это — банка с пауками. В любом случае театр состоит из людей, заключенных в одну общую оболочку, их связывают положительные, отрицательные, нежные, грубые — разные отношения. Если ты это принимаешь, театр становится смыслом жизни. Шиловский смотрит на МХАТ со своей точки зрения, и он, безусловно, имеет на нее право. Но если он оказался ненужным в театре, это не повод перечеркивать все, что сделал Ефремов. У Ефремова, создававшего новый театр, точка зрения на происходившее была иной. С Шиловским они никогда бы не договорились. Поэтому считаю: в театре нужно служить, только если ты без него жить не можешь, и понимать: там тебя ждут не только пряники.

— Но вас-то Ефремов любил?

— Очень! У меня всегда было полно работы, играла по двадцать — двадцать пять спектаклей в месяц, получала главные роли. Выходя на сцену, я всегда стремилась достучаться до зрителя, хотела, чтобы люди вспомнили свои неверные шаги, заплакали, исправились, чтобы им стало легче на душе и они вышли из зала изменившимися. Ради этого готова тратить силы, падать опустошенная, когда закрылся занавес. И Ефремов это чувствовал и ценил меня.

Для меня Олег Николаевич был эталоном режиссера, он всегда четко знал, чего хочет, и добивался этого от актеров. Мы ставили «Вишневый сад», я играла Варю. Роль какая-то сероватая, а мне хотелось сделать ее так, чтобы все сказали: ух, какая она! И я придумала, что Варя будет влюблена в Лопахина. Она должна краснеть, когда он входит, откуда-то выглядывать, следить за ним. Я предложила сделать ей оттопыренные уши, потому что она страшненькая и очень переживает по этому поводу. Пусть она эти уши прижимает руками, прикрывает, таким образом в ней проявлялась бы трепетная женщина. Ефремов выслушал и спрашивает: «Мне что, спектакль на тебя ставить?! Напридумывала она тут! Нет, не нужна мне такая яркая Варя. А остальных что, со сцены гнать?» Пришлось играть по-другому, каждый раз переживая. Но ему этот образ был не нужен.

Похожая история была с Табаковым, когда у меня уже была дочка. Олег позвонил: «Лен, наотдыхалась, нарожалась, хватит! Хочу предложить серьезную роль». Спектакль по пьесе Стриндберга назывался «Отец» (пьеса одна из самых противоречивых, сплошное женоненавистничество), его ставил в «Табакерке» режиссер из Австрии Артак Григорян. Начала репетировать и поняла, что помру с тоски. Поговорила с Табаковым:

Вроде романы случались — сказочные, бурные, красивые. А спроси меня сейчас: что такое любовь? Не отвечу... Наверное, я не умею любить

— Олег, ничего не получится, он делает это так традиционно скучно, что спектакль будет провальным. Давай героиню, которая всегда игралась отрицательной...

— А как еще можно сыграть эту суку? — перебивает Табаков.

— Давай сделаю ее положительной. Всегда и везде актрисы делали ее исчадием ада, а я сыграю иначе. Позволь сделать так, как я вижу.

Он говорит:

— Лен, честно тебе скажу, я его должник, этот режиссер мне в Германии работу давал. Ну сыграй ты как надо.

Возмутилась:

— И это мне говорит человек, который учил, что артистка должна быть честной! Считай, что я не слышала. Я тебя такого не знаю.

Обиделся, конечно, Олег Павлович, давно ему ничего подобного не говорили, в основном поют дифирамбы. Но на генеральной репетиции

ФОТО: Б. БАБАНОВ/РИА НОВОСТИ

сыграла так, что все плакали. На следующий день Табаков вызывает к себе, по дороге я бью машину, приезжаю в «Табакерку» злая, а Олег еще добавляет:

— Слушай, сыграй так, как говорит режиссер, иначе рассыплется весь спектакль.

— Не буду! Не могу, вернувшись после большого перерыва на профессиональную сцену, позволить себе играть фигню. Хочу взорвать зал.

Табаков стоит на своем:

— Это невозможно, по нашей с ним договоренности должна быть такая трактовка.

— Олег, все, берешь другую артистку.

Они выпустили спектакль с Женечкой Симоновой из «Маяковки», сыграли его несколько раз и закрыли, потому что зритель не пошел.

— Олег Николаевич возглавил МХАТ в 1970 году. За время его правления произошло немало трагедий. Например, покончил с собой, отравившись газом, уволенный Анатолий Вербицкий. Ваше отношение к Ефремову после этого не изменилось?

— Если бы мы заранее знали истинную цену того, что творим… Думаю, многие пересмотрели бы свои решения. Но винить во всем Олега Николаевича язык не поворачивается. Он реформировал театр не для того, чтобы актер труппы открыл газ. Он заботился о другом. Хотя выражение: лес рубят, щепки летят — очень жестокое. Убеждена: как рождается и умирает человек, так должны рождаться и умирать театры. Если хочешь создать что-то свое, надо открывать новое.

В любом коллективе, не только в театре, когда идут сокращения, ломаются человеческие судьбы. Жизнь вообще заканчивается смертью, а еще имеет свойство постоянно воздвигать перед человеком препятствия. По большому счету в бесконечном преодолении препятствий и есть ее смысл. Вербицкий мог плюнуть Ефремову в лицо, подать иск в суд, оспаривать неправомерное увольнение! Он мог доказать, что как актер со-

стоятелен. В конце концов мог пойти работать в другой театр, на завод, даже дворником, это не страшно! Но человек по-другому распорядился своей судьбой, винить в этом кого-то, кроме него самого, неправильно.

Мы, молодые, тогда вообще мало что понимали в происходящем во МХАТе. Нам было по фигу! Уж извините за нелитературный оборот. Пули свистят у виска, но в тебя не попадают. Чего еще надо? Стоит ли ломать голову над тем, что вокруг творится? Нас это мало касалось, хотя рядом все бурлило. Меня Ефремов брал с собой, и я была счастлива! Но в течение года продолжала играть спектакли с теми, кто уже знал, что их не выбрали. А партнеры по сцене — это практически родственники! Видеть их обиду, оскорбленность было тяжело, все мы живые люди. Хотелось одного: чтобы все поскорее закончилось.

В те времена я безостановочно снималась — надо было зарабатывать, кормить ребенка. Хорошо, если на одно собрание из двадцати во МХАТе попадала. Меня за это вечно ругали, даже выговоры объявляли.

Сегодня, когда прошло немало времени, могу сказать одно: избави боже нас вершить человеческие судьбы. Неизвестно, как бы поступили мы, находясь на должности Ефремова, если бы нам предстояло принимать решения. Он мог с кем-то резко спорить, сказать: «Да пошла ты со своим мнением!» Но он не наживал врагов, хотя был принципиальным человеком. И одиноким. Есть среди нас люди планетарного масштаба, но они рождаются редко. Ефремов был такой личностью. Почему-то вспомнилось, как в спектакле «Перламутровая Зинаида» герой Невинного говорил: «Я никого ниже собаки-то не замечаю». Это я не к тому, что мы были для Олега Николаевича ниже собаки. Просто ему не удалось за всю свою жизнь встретить равную себе по масштабу личность. Может, поэтому их с Табаковым дружеские отношения сошли на нет, каждый постоянно доказывал, что он круче…

Когда Олег Николаевич крепко выпивал, он просил зайти, поболтать, посочувствовать. Часто произносил с горечью: «Я один как перст». Думаю, он и уходил в этот дурман, потому что не выдерживала душа. Не представляю, как можно было жить так, как он — каждый день на плахе, каждый день сам себя четвертовал и рождался заново. Никому не пожелаю такую адскую судьбу: за всех отвечать, с чиновниками воевать, при

В фильме «Мимино»

Вахтанг Кикабидзе, Георгий Данелия и Фрунзик Мкртчян

этом не забывать о творчестве да еще держать закрытой паучью банку под названием труппа МХАТа. Мне всегда было его по-человечески жаль. Перед глазами стоит, как он идет по коридору — неухоженный, воротник рубашки криво топорщится, боже мой!

— А пожалеть не хотелось? Как мужчина Ефремов вас совсем не волновал?

— У меня плохо с волнением по поводу мужчин. Иногда задумываюсь: а я вообще знаю, что такое любовь? Вроде и влюблялась, и романы случались — сказочные, бурные, красивые. А спроси меня сейчас: что такое любовь? Не отвечу... Наверное, я не умею любить. Слишком много для меня заключено в этом чувстве. Оно не лежит в плоскости секса, это всего лишь одна из сторон — манкая, привлекательная. Сегодня этот аккорд почему-то выдвинулся на первый план. А вот все уже случилось, и ты отчетливо понимаешь, что до любви, до финиша ты по большому счету так и не дошел. Вот такой я мечтатель, романтик. Любовь, которую я знаю, она — к Богу. Господа любить легко, в нем нет недостатков. А мужчину, мужа... Не случайно подвиг семейной жизни считается выше монашеского. Монахом стать легче, чем жить в семье. Это церковь говорит.

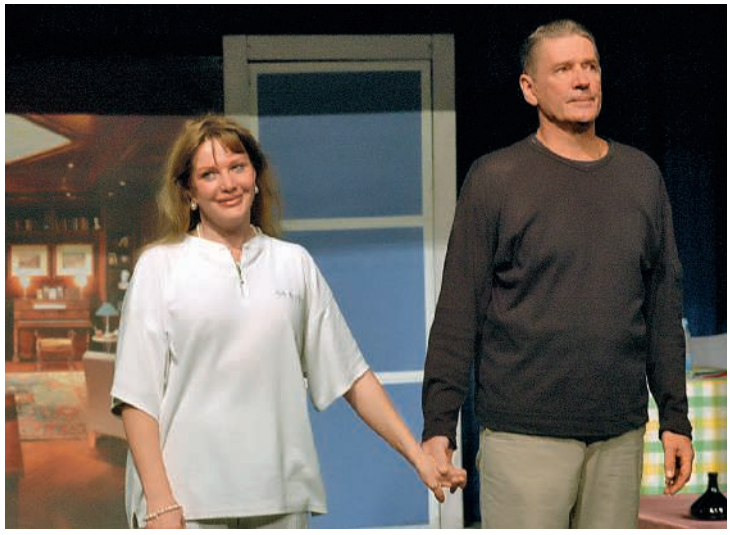
На съемках был человек более привлекательный для меня, чем Вахтанг Кикабидзе, я влюбилась в Георгия Данелию. В мужчинах ценю талант и ум

— Впервые вы вышли замуж рано. Чем покорил вас Виталий Мелик-Карамов?

— Он интеллектуал, выходили погулять, я интересовалась: а это что за травка, а это что за птичка? И слышала полный отчет. Виталий учился вместе с моим братом в архитектурном институте, дневал и ночевал у нас. Мы много тусовались вместе в одной компании и дотусовались до того, что решили пожениться. В семнадцать лет мало о чем задумываешься. Тем более что я сразу забеременела, и на свет появилась Арина. Я уже сдала экзамены в Школе-студии, работала во МХАТе, снималась в кино. Всегда во всех договорах (а снималась я тогда в трех-четырех фильмах в год) было прописано: съемочная группа должна предоставить услуги няни. Пока я работала, Аришка сидела в доме родителей под няниным и бабушкиным присмотром. Она внучку безумно любила, так что я ни о чем не волновалась, моталась по съемкам, фестивалям, приезжала с подарками, фруктами, платьицами.

С Виталием мы прожили пять лет. Думаю, никто из нас не был готов к семейным отношениям. Как только возник спорный вопрос, мне показалось, что проще разрубить

ФОТО: LEGION-MEDIA/КАДР ИЗ ФИЛЬМА «МИМИНО»; И. ГНЕВАШЕВ/РИА НОВОСТИ

С Сашей Абдуловым в спектакле «Желтый карлик»

У Абдулова был роман с Ириной Алферовой, я тоже переживала свой роман, все это было как-то заманчиво, развратно и очень интересно!

К тому же в кооперативной квартире, которую удалось получить, долго не было ни стульев, ни кровати, на кухне стояла одна плита. Я со съемок на «Узбекфильме» привезла пиалы, из которых и ела и пила чай. Мне подарили несколько бараньих шкур, на них я спала, когда заходили гости, то сидели на них же. В течение трех лет бралась за любую работу, чтобы расплатиться за квартиру. Куда было брать Арину, если пахала как проклятая?

узел. Дело в том, что я с успехом играла в спектакле «Валентин и Валентина» и по роли целовалась на сцене с партнерами Борькой Щербаковым и Евгением Киндиновым. К тому же обнажалась в эпизоде первой брачной ночи. В муже просыпалась восточная кровь, он устраивал дикие истерики. Я убеждала: такая работа, какая разница, одета я на сцене или раздета? Мои доводы не действовали.

— Или я, или спектакль! — поставил ультиматум муж.

— Спектакль! — я долго не раздумывала.

В те времена знакомства значили немало, меня развели за один день — сотрудники ЗАГСа обожали артистку Лену Проклову. Вечером я вернулась домой и выложила на стол перед мужем паспорт со штампом о разводе. Вот такая была жестокая женщина. Думаю, с тех пор Мелик-Карамов счастлив, что живет один! Он хитрый, больше не брал на себя супружеских обязательств. Иметь гарем всегда лучше.

Ариша осталась со мной. Точнее, жила у моих родителей. Пыталась несколько раз забрать ее к себе, но съемки-то отменить нельзя. Да и мама вразумляла: «Ты с ума сошла?! Зачем оставлять дочку с чужими людьми в пансионатах, интернатах, на продленке, если есть родные. Вон, у нас английская школа во дворе, мне делать нечего на пенсии». Да и Аришка говорила: «Я у бабушки хочу жить. Ты полы заставляешь мыть! И кашу есть!»

У детей всегда много претензий к родителям, в нежном возрасте комфортнее живется в обиде на них, с этого можно иметь бонусы. Тем более если слышишь от окружающих: бедная девочка, брошенная, никому не нужна. Да и я постоянно мучилась, что многого не додаю дочке. Сейчас у нас с Аришей идеальные отношения. Она ушла из архитектурного института, работает в бюро, которое занимается 3D-дизайном «боингов». Для меня это темный лес, делается дурно, когда она описывает детали своей работы. А ей там нравится! Арина вышла замуж во второй раз. Виктор — идеальный муж,

ФОТО: Б. КРЕМЕР/PHOTOXPRESS

внимательный, самостоятельный, личность, ей можно только позавидовать! Дочка так цветет, она такая чудная жена, такая потрясающе красивая женщина. Я любуюсь!

— А ведь было время, когда вы не общались, говорили, что виной тому потребительское отношение Арины к вам.

— Было такое. То же самое Арина сегодня переживает со своей дочерью. Признается: «Мама, только теперь понимаю, что ты чувствовала, я как будто ломлюсь в закрытую непробиваемую дверь! Алиса меня не слышит. Считаю: раз она такая умная, пусть живет самостоятельно».

Арина тоже привыкла к тому, что ей все подавалось на блюдечке. Мы слишком много даем детям, они привыкают к мысли: родители им должны, даже когда уже становятся взрослыми. И это не их вина. Я тогда написала жалобу на себя: Елена Игоревна, вы виноваты, что слишком разбаловали дочь.

У нас состоялся неприятный разговор, Арина поставила ультиматум, а этого делать нельзя — я в силу своего созидательного характера предпочитаю обсуждать способы решения проблемы. «Так у нас не получится», — сказала я. Родители встали на сторону Арины. «Ты обязана решать ее проблемы, помогать», — заявил папа и стукнул кулаком по столу. Ну чего было ожидать от военного, а я в свою очередь — дочь полковника, тоже стукнула кулаком по столу, подхватилась и уехала. Мы не общались несколько лет. Ужасный жизненный опыт! А с другой стороны, сколько бы еще времени нам понадобилось, чтобы понять: ничего дороже отношений родителей и детей быть не может. Ничего! И что самая большая глупость — выяснять, кто прав, а кто виноват. Каждый должен пойти на уступки, только бы не потерять драгоценного времени общения друг с другом.

Первой это осознала я: пусть сто раз права, но это мои родители и моя дочь! Столько лет не видеть друг

друга, не обняться! Какая же я идиотка! Однажды проснулась ночью и увидела нашу ситуацию ясно, словно в столпе света. Рано утром села в машину, поехала на дачу. Родители, дочка, внучка сидели на большой скамейке. Подошла, встала перед мамой и папой на колени, сказала: «Я вас так люблю, больше без вас не могу! Не важно, кто из нас прав. Считайте, что вы. Просто не хочу больше жить без вас. Простите меня за то, что позволила нашим разногласиям зайти так далеко». Мама зарыдала, папа зарыдал, дочка зарыдала, внучка нас всех обняла. Мы долго сидели на скамейке, почти одновременно каждый из них произнес сквозь слезы, что собирался сделать то же самое.

Мы оказались сторонами любовного треугольника. Пыталась взывать к разуму: «Нашей дочке всего два года! Я все бросила!»

— Елена, почему вы не искали мужа в актерском кругу? Тем более что блистательными партнерами обделены не были, работали с Олегом Далем, Олегом Янковским, Андреем Мироновым. Можно вспомнить и Золотухина, и Высоцкого, с которыми снимались в «Единственной...».

— Да уж, ухажористые парни! Да и обстановка способствовала, снимались в Питере и Запорожье, к тому же я была разведена. А ребята окружали вниманием — песни, танцы, и в ресторан приглашали, и цветами заваливали, и красивые слова говорили. А я не удосуживалась их запоминать, воспринимала как должное. Грех жаловаться, я везучая женщина: в этих словах, цветах и ухаживаниях провела большую часть жизни. Отдавала себе отчет, какого масштаба и Золотухин, и Высоцкий, ухаживания принимала, и все. Я в то время переживала долгий роман, мне было все равно, с какими партнерами играю.

— Героя назвать можем?

— Нет, не в праве. Человека уже нет в живых, а супруга здравствует, считаю непозволительным делать больно человеку. Ей и так досталось от пассий мужа. Скажу лишь, что роман был честным, откровенным, бурным. Мы вместе снимались. Он был похож на мальчишку — все время смеялся, устраивал розыгрыши. Иду по гостинице, и вдруг он из-за угла вылетает, скорчив страшную рожу: «А-а-а!» Визг, смех! А как он красиво пел — романсы, иностранные песни. Это был просто фонтан! Ни грамма высокомерия, хотя настоящая звезда. Когда снимались в Ленинграде, он подговаривал администратора, чтобы нам брали билеты в одно купе СВ. Прихожу, а там «случайно» сидит он. А какие подарки делал! Правда, для меня это значения не имело, важнее, что мы дарили друг другу счастье. Но строить с ним серьезные отношения я не собиралась. Не доверяю мужикам, которые изменяют женам, не могу такого уважать. Он мне нравится, значит, могу себе позволить получить удовольствие. Но и не более того. Жизнь такая интересная, зачем ее менять на оковы? Для того чтобы что-то планировать, надо сильно влюбиться. Когда женатый мужчина начинал за мной ухаживать, не давал проходу, первое, о чем думала: он сейчас предает свою жену, а потом точно так же предаст тебя.

— А за фразой Вахтанга Кикабидзе в адрес вашей героини из «Мимино»: «Ларису Ивановну хочу» скрывалось нечто большее?

— Его ухаживания были приятны, но должна признаться, на съемках «Мимино» был человек гораздо более привлекательный и интересный для меня, чем Вахтанг, я влюбилась в Георгия Данелию. Он об этом не подозревает до сих пор. В мужчинах ценю талант и ум. Это была одна из моих самых сильных влюбленностей. Георгий Николаевич — удивительный человек. А с Кикабидзе я просто кокетничала, люблю флиртовать. Словно пузырьки воздуха внутри играют с твоей

НА ЕЛЕНЕ: ПЛАТЬЕ L-MIX COLLECTION

С мужем Андреем Тришиным и младшей дочерью Полиной

душой. Момент, когда ощущаешь, как флюиды идут между людьми, кажется мне божественным. Как только вмешивается тело, мне становится менее интересно, естественное завершение флирта не будоражит.

Когда снималась в фильме «Верой и правдой», ужасно влюбилась в Андрюшку Смирнова. Но была знакома с его женой Леной Прудниковой, поэтому не переступала черту. Хотя как не влюбиться в умнейшего, сексуальнейшего мужчину? До сих пор, если вижу его на экране, у меня внутри начинают бурлить те самые пузырьки.

— А как вспоминаете встречу с Николаем Караченцовым?

— Мы снимались у Игоря Масленникова в «Сентиментальном романе». Это была одна из его первых ролей в кино, Коля страшно нервничал. Я играла его сестру, которая загуляла ночью, а когда возвращается домой, он мне так — хоп — давал пинка под зад.

— Я так не могу! Мне тяжело! — волновался Коля.

— Коля, смелее, я только делаю вид, что падаю! Все хорошо!

— Спасибо тебе!

Смешной, прелестный. Виделись недавно на кинофестивале у Аллочки Суриковой, он меня заметил, узнал: «Ле-е-е-нка, красивая». Я преклоняюсь перед Люсей Поргиной и откровенно ей об этом говорю. Жена с большой буквы! Она чудесная! Даже из ужасной ситуации сделала жизнь-праздник.

— Очень тепло говорил мне о вас Александр Абдулов. Это была только дружба?

— Она возникла из иных чувств, связавших нас, когда снимались в «Капитанской дочке», из вихря эротических эмоций. У Абдулова был роман с Ириной Алферовой, я тоже переживала свой роман, все это было как-то заманчиво, развратно и очень интересно! Позже мы часто пересекались в компаниях. Время, проведенное вместе, оставляет след. Во второй раз мы работали на картине «Желтый карлик», которую снимал чудеснейший, талантливейший